

Филологические науки

УДК 821.161.1

А.А. ВАРЛАМОВА, А.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

**ЖЕРТВЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ,
ВОПЛОЩЁННАЯ В ОБРАЗЕ ВАНЬКИ ВАЛЯЛКИНА
ИЗ ЦИКЛА КНИГ Д.А. ЕМЦА «ТАНЯ ГРОТТЕР»**

Статья посвящена исследованию воплощения христианских ценностей и архетипов на примере эволюции образа Ваньки Валялкина героя цикла «Таня Гроттер» Дмитрия Александровича Емца. В качестве методологической основы исследования выступает определение христианских добродетелей (веры, надежды, любви) через призму жертвенности как пути к само-совершенствованию. Прослеживается глубокая связь персонажа Ваньки Валялкина с фольклорным архетипом Иванушки-дурачка и православным образом юродивого.

Ключевые слова: Таня Гроттер, Ванька Валялкин, Иван-дурак, юродивый, архетип дурака, жертвенность, христианские ценности.

ANASTASIYA VARLAMOVA, ANNA PUTILO
(Volgograd)

**VICTIMHOOD AS ONE OF THE CHRISTIAN VALUES, TYPIFIED
IN THE IMAGE OF VANKA VALYAKIN FROM THE CIRCLE
OF BOOKS “TANYA GROTTTER” BY D.A. EMETS**

The article deals with the study of implementation of the Christian values and the archetypes at the example of the evolution of the image of Ivan Valyakin – the hero of the circle “Tanya Grotter” by Dmitriy Aleksandrovich Emets. The definition of the Christian virtues (faith, hope and charity) through the lens of victimhood as the way to self-improvement is considered as the methodological basis of the study. There is observed the deep connection of the character Vanka Valyakin with the folklore archetype “Ivan the Fool” and the Orthodox image of the fool for Good’s sake.

Keywords: Tanya Grotter, Vanka Valyakin, Ivan the Fool, fool for Good’s sake, archetype of fool, victimhood, Christian values.

Дмитрий Александрович Емец – российский писатель-фантаст, автор нескольких книжных циклов, которые отмечаются влиянием христианской эстетики и философии [17, с. 116]. Сам Дмитрий Александрович является воцерковленным человеком, о чём он сам упоминал в интервью для радиостанции «Вера» [5].

Мировоззрение писателя не могло не повлиять на содержание его творчества, но следует учитывать, что сам Д.А. Емец так характеризовал своё отношение к христианским мотивам в литературе: «Главный же закон такой, что ты только подводишь к дверям храма, потому что, если ты за них переступил, будет мистика, а мистика – это всегда подмес» [17, с. 117]. Этим объясняется отсутствие прямых религиозных аллюзий в тексте книг, т. к. автор заменяет христианские понятия близкими по духовно-нравственному содержанию категориями. Однако отсюда же следует, что проследить воплощение христианских ценностей можно в различных образах. К примеру, в книжном цикле Д.А. Емца «ШНыр» образ Двушки является метонимическим определением Бога [Там же]. Более сложно обстоит ситуация с другим циклом писателя – «Таня Гроттер», состоящим из 14 романов и являющимся первым книжным циклом Д.А. Емца. Сам автор отмечал, что не считает «Таню Гроттер» православной книгой [5]. Начатый как пародия на серию книг Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер»,

со временем цикл отошёл от этой задумки [3, с. 264]. Отсюда следует вопрос о связи изменения сути цикла и развития в нём христианских ценностей.

Для рассмотрения данного вопроса следует определить, что подразумевается под христианскими ценностями. Согласно Православной энциклопедии, ценностно-значимый аспект христианства составляет фундаментальная философско-богословская категория – добродетель, которая является исключительной привилегией человека, созданного по образу и подобию Божию, а достижение святости и вечной жизни возможно только стяжанием специфических добродетелей – веры, надежды, любви – по примеру Христа [4].

В христианском первоисточнике – Священном Писании – в качестве главной заповеди и высшей добродетели определяется любовь: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 12–13). Выражением любви Христа является жертва во имя человечества: «Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф. 5:2). В богословии жертва понимается как «учение об этическом совершенствовании и аскетическом подвиге» [11]. О связи этого понятия с высшей добродетелью говорят также богословы: «Всякая добродетель рождает жертвенность. Совершенная добродетель рождает полное самоотречение. Высшая добродетель – любовь – рождает совершенное самоотречение» [16, с. 29].

Из всего этого следует, что с точки зрения ценностного аспекта христианства жертвенность как готовность к самоотречению во имя ближнего является путём к самосовершенствованию через воплощение в жертве любви как высшей ценности по примеру Христа.

Для дальнейшего рассмотрения поставленного вопроса следует взглянуть на начало цикла «Таня Гроттер». Определённое влияние мотива жертвенности можно проследить в одном из главных героев книг – Ваньке Валялкине. При более подробном рассмотрении образа можно отметить, что он вписывается в архетипику русской литературы. Имя персонажа отсылает к известному фразеологизму – «Ваньку валять», значение которого во фразеологическом словаре А.Н.Тихонова определяется как притворство глупым, незнающим [21, с. 98]. Родственным по значению фразеологизмом является выражение «валять дурака». Данные фразеологические единицы восходят к архетипу дурака (Иван-Дурак) [18, с. 214–215]. В фольклорной традиции он является протагонистом волшебной сказки, низкого происхождения, внешне непривлекательным и бедным, но богатым духовно [14, с. 186–193]. Архетип распространён как в русских народных сказках, так и в русской литературе, к примеру, образ Иванушки-дурачка из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дурак», который от рождения лишён всяких подлых мыслей [1, с. 254].

Определённое влияние на функционирование образа оказала и православная традиция, в толковом словаре В.И. Даля слово «дурак» является синонимом слова «юродивый» – безумного или божевольного человека, в народе определяемого как Божьего [2, с.732]. Эта связь отмечается и богословами: «Иван-дурак, несомненно, отражает влияние святого юродивого, как Иван-царевич – святого князя» [19, с. 163]. Дурак, подобно юродивому, лишён мудрости житейской, прагматической и эгоистичной, но при этом герой наделён особой, чудесной мудростью, или же «умом Христовым» [20, с. 42]. Схожая черта отмечается и в Ваньке: «Ваньку вела та спокойная, сразу не приметная сила, которая всегда заставляла его доводить намеченное до конца, какие бы непредвиденные обстоятельства ни появлялись в процессе. Сила эта проявлялась давно и во всём» [6, с. 35–36].

В первой книге цикла «Таня Гроттер» связь образа Ваньки с архетипом дурака прослеживается в низком происхождении героя, его бедности и внешней непривлекательности, а также близости с миром животных: «А теперь мой любимый предмет – ветеринарная магия!» [8, с. 251]. В начале книжного цикла Ваньку представляют как худого мальчика в нелепой жёлтой майке, достающей ему до колен, сына бедных и жестоких родителей: «<...> мать с отцом вообще его почти не кормили, а только заставляли попрошайничать» [Там же, с. 206]. Д.А. Емец описывает прошлое в Ваньки в соответствии с социальной действительностью. Однако, несмотря на пережитые потрясения, Валял-

кин не развивает в себе зло, напротив, он является одним из основных положительных героев серии, входя в компанию двух других протагонистов – Тани Гроттер и Баб-Ягуна, – являясь другом доброго преподавателя ветеринарной магии Тарараха, также близкого миру животных, и попутно вступая конфликты с менее положительными персонажами: «Ванька Валялкин и Баб-Ягун дружно выдвинулись вперёд, защищая Таню» [8, с. 229]. Здесь же наблюдается сходство с образом юродивого, своим поведением обличающего пороки окружающих, которые в следствие этого не принимают его [13, с. 139].

Положительные качества Ваньки как протагониста прослеживаются и в последующих книгах. Во второй книге, «Таня Гроттер и Исчезающий этаж», Валялкин единственный из трёх заколдованных Чумой-дель-Торт персонажей смог сбросить с себя заклинание силой чувств. В третьей книге, «Таня Гроттер и Золотая Пиявка», в параллельном и перевёрнутом с точки зрения ценностей мире Валялкин всё равно совершает добро и помогает Тане и Баб-Ягуну. В четвёртой книге, «Таня Гроттер и Трон Древнира», Ванька заботится об осиротевшем птенце жар-птицы. Однако говорить о влиянии христианских мотивов в контексте первых четырёх книг сложно, поскольку цикл всё ещё придерживается пародийной составляющей и в образе Ваньки прослеживаются больше функция спутника главного героя и комическая функция за счёт гиперболизированного голода персонажа в сочетании с сильной худобой [3, с. 264].

Начиная с пятой книги «Таня Гроттер и посох волхвов» в Ваньке начинает прослеживаться такая черта, как жертвенность, которая выражается в отказе от благосклонности любимой девушки, Тани Гроттер, ради спасения жизни однокурсницы Лизы Зализиной. Эта черта Валялкина продолжает развиваться и в шестой книге серии, герой, рискуя собой и получая увечья, спасает Таню Гроттер. Это уже не просто жертва ради другого, но и ради романтических чувств. В седьмой книге, «Таня Гроттер и пенсне Ноя», такую жертву Ванька совершает неоднократно: защита Тани Гроттер от Пупперав магической дуэли с риском для жизни и отказ от своей свободы ради спасения Тани: «Но одно он знал точно – Таню Пупперу он не отдал, и уже одно это стоило всех жертв» [9, с. 68].

Можно заметить, что по мере развития цикла жертва Ваньки приобретает важную характеристику – она становится проявлением любви. Другая важная характеристика обозначается в десятой книге цикла, «Таня Гроттер и локон Афродиты», – она совершается искренне, спокойно, не истерически. «Можно с воплем броситься под танк и взорвать его, и это будет красивый поступок, но это не означает ещё, что у того, кто это сделал, хватило бы сил на ровное, повседневное мужество. Спокойное горение. Спокойное горение, способность к самопожертвованию намного предпочтительнее истерической доблести», – говорит Сарданапал, под спокойным горением подразумевая Ваньку и противопоставляя его ежедневное мужество истерической, мгновенной жертве [7, с. 319]. Н.С. Лесков, рассуждая о героях и праведниках с христианской точки зрения, приводит похожее сравнение: «Прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы «...» “героя создаёт случай; праведника – ежедневная доблесть”» [12, с. 42]. Хотя религиозная позиция Н.С. Лескова является предметом дискуссий, отмечается, что его представление о праведниках соответствует христианскому [15, с. 205]. Жертвенность Ваньки как высшее проявление любви, а также искренний, ежедневный характер этой жертвенности позволяет сделать вывод о возросшем влиянии христианских ценностей на его образ.

Именно жертвенностью в одиннадцатой книге цикла «Таня Гроттер и перстень с жемчужиной» объясняется выбор жизненного пути Валялкина после школы – имея шанс поступить в магспирантуру Тибидохса, он отказывается от этого ради служения цели – помощи животным в тайге. Не эпизодическая, а регулярная жертвенность, то самое ежедневное мужество и исходящая из него готовность к постоянному самосовершенствованию становится жизненным принципом Ваньки после окончания школы: «1. У каждого человека есть, чему поучиться. Каждый чем-то лучше меня. Исключений

нет. 2. Если кто-то ругает или критикует меня, надо не набрасываться на него, а здраво задуматься: не прав ли он хоть в чём-то. Если прав – стараться измениться» [10, с. 262]. Повышение значимости духовного саморазвития говорит о ещё более возросшей роли христианских мотивов в тексте книг для раскрытия персонажа.

Итогом того, что духовное развитие стало значимым для Ваньки, становится изменение сознания героя. В тринадцатой книге «Таня Гроттер и болтливый сфинкс», которая является последней в цикле с хронологической точки зрения, Валялкин неожиданно для себя начинает рассуждать о таких христианских категориях, как дух и плоть: «Плоть и дух существуют по разным законам. Повредивший плоти не повредит духу. Но не позавидуешь тому, кто в угоду страсти подчинил свой дух плоти» [6, с. 53]. При этом он сам не знает, откуда пришло к нему это знание, и в том же диалоге отмечает, что победить оппонента – лукавого Глеба Бейбарсова, – можно только искренностью, граничащей с юродством. Здесь и проявляется особая, высшая мудрость, свойственная архетипу Ивана-дурака. Превознося дух над плотью и говоря о губительности превознесения плоти над духом, Валялкин, по сути, подтверждает слова из Священного Писания: «Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8:12–13). Им утверждается ежедневное, искреннее жертвование и смирение плотского во имя высшего, духовного, с помощью чего в образе Валялкина проявляется наивысшая ценность христианства – любовь. «Любовь – это аскеза, нежность и жертва», – понимает Таня, рассуждая о любви Ваньки [Там же, с. 15]. «Только что он с мгновенной вспышкой, которая всегда сопровождает истину, понял, что главное в сражении со злом не пустая ярость, которой зло с тайной радостью добивается, ибо в ярости человек быстро прогорает. Ключ к победе – упорство и готовность к жертве», – так Валялкин описывает своё отношение к жертвенности [Там же, с. 336]. При этом слово «истина» подчёркивает верность данной позиции с точки зрения системы ценностей всей серии. Именно отказом от магии, являющейся одной из главных ценностей среди магов, Ванька сумел одолеть зло в лице сфинкса Мегара.

Утвердившиеся в ходе развития персонажа Валялкина ценности: спокойная, искренняя жертвенность, готовность подчинить плоть духу и вытекающая из этого ежедневная доблесть, противопоставляемая доблести истерической, – позволяют сделать вывод о том, что по мере развития цикла и его сути эволюционирует и образ Ваньки, вследствие чего ближе к концу серии в финале своей истории с хронологической точки зрения в образе Валялкина находит воплощение христианская идея о духовном развитии человека через отказ от плотского во имя духа, т. е. жертвенность как христианская ценность.

Литература

1. Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Дворак Е.Ю. Неомифологические и пародийные черты в детском фэнтезийном цикле Д. Емца «Таня Гроттер» // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 6. С. 261–266.
4. Добродетель // Православная Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/178658.html?ysclid=mleaybzuny234904120> (дата обращения: 04.02.2026).
5. Емец Д.А. Вера и литературное творчество // Радио ВЕРА. [Электронный ресурс]. URL: <https://radiovera.ru/vera-i-literaturnoe-tvorchestvo-dmitrij-emet.html> (дата обращения: 07.01.2026).
6. Емец Д.А. Таня Гроттер и болтливый сфинкс. М.: Эксмо, 2017.
7. Емец Д.А. Таня Гроттер и локон Афродиты. М.: Эксмо, 2016.
8. Емец Д.А. Таня Гроттер и магический контрабас. М.: Эксмо, 2016.
9. Емец Д.А. Таня Гроттер и пенсне Ноя. М.: Эксмо, 2016.
10. Емец Д.А. Таня Гроттер и проклятие некромага. М.: Эксмо, 2020.
11. Жертва // Православная Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/182231.html?ysclid=mleb3i1c57144008864> (дата обращения: 04.02.2026).
12. Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988.
13. Лихачев Д.С., Панченко А.А. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1976.

14. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. СПб.: М.: Центр гуманитарных инициатив, 2005.
15. Моторин А.В. Праведники в изображении Н.С. Лескова // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2023. № 3(48). С. 205–209.
16. Мысли о добре и зле / Святитель Николай Сербский; Пер. с серб. С.А. Луганской. М.: Изд-во Моск. Подворья Свято-Троиц. Сергиевой лавры, 2001.
17. Путило А.О., Путило О.О. Категория видимого / невидимого в цикле Д.А. Емца «ШНыр» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 112–126.
18. Семякина Е.С. Имена собственные в русской фразеологии // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии: сб. науч. ст. по итогам НИР и НИРС кафедры филологии и массовых коммуникаций СФ МГПУ / под редакцией С.Б. Козинца. Самара: Самар. филиал ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», 2019. С. 211–216.
19. Собрание сочинений: в 12 т. / Г.П. Федотов; [сост., примеч., вступ. Ст.: С.С. Бычков]. М.: Мартис: SAM & SAM, 1996. Т. 8: Святые Древней Руси, 2000.
20. Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Г.А. Леман, Ценз., 1922.
21. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под. ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004.